

РУМЯНЦЕВ И. И. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

РУМЯНЦЕВ Илья Иванович, родился в 1866 в селе Оболь Полоцкого уезда Витебской губ. Получил среднее образование. Священник, служил в церкви местечка Улле, с 1922 — примкнул к обновленцам, активно сотрудничал с органами ГПУ. С 1925 — служил в Богословской церкви Витебска, был в духовном общении с митрополитом Сергием (Страгородским) и его Синодом. 2 ноября 1931 — арестован, как «участник монархической организации "староцерковников"» и заключен в Минскую тюрьму. В мае 1932 — обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<20 мая 1932>

«Общество Помощи Полит<ическим> Заключенным.
Е. С. Пешковой¹

Заключенного при Витебской
фабрично-трудовой колонии
г<орода> Витебска
Румянцева Ильи Ивановича

Заявление

17-го мая с<его> г<ода> я сдал заявление чрез контору (спешное) при Витебской фабрично-трудовой колонии. Между тем, дежурный сказал мне, что мое заявление взял следователь Витебского ГПУ Богданович. Это заявление мною адресовано было на имя Прокурора СССР Москва по линии ОГПУ. Предполагая, что взятое заявление следователем не отправлено, на что я имею факты, так как мною было сдано заявление в Витебский фин<ансовый> отдел и не получено, как мне известно. 18 мая с<его> г<ода> я сдал иным, помимо конторы, путем заявление на имя Прокурора СССР по линии ОГПУ. Уверенности в том, что это второе заявление может достигнуть своего назначения у меня нет никакой, а от получения его Прокурором зависит мое оправдание, я, узнав, что в Москве находится общество помощи полит<ическим> заключенным Е. С. Пешковой, Москва, обращаюсь к вышеуказанному обществу придти мне на помощь. Излагая полностью мое заявление на имя Прокурора СССР, Москва, по линии ОГПУ, при сем считаю необходимым пояснить.

Я священник г<орода> Витебска (бывший) обвиняюсь в принадлежности к какой-то монархической организации, и потому это дело верно носит название группы священников-староцерковников. По окончании следствия в Витебском ГПУ мне объявлено, что с 15/IV с<его> г<ода> дело числится за тройкой ГПУ Минск<ой> БССР. До сих пор ничего о результатах неизвестно. Известно только, что будто бы дело отослано в Москву (по словам одного из следователей).

Каждое обвинение для своего доказательства должно иметь факты или доказательства. Фактов, уличающих меня в принадлежности к монархической организации, нет, равно нет никаких доказательств моей связи с каким-либо социально опасными лицами, разделяющими принципы истинно-православной церкви и монархической государственности, которая (организация) ставила себе целью вести решительную борьбу с сов<етской> властью и ком<мунистической> партией. Все это присуще лицу с фанатическим (религиозным) настроением, между тем, к таковым я себя ни в коем случае причислить не

¹ Неправильно указано отчество Е. П. Пешковой.

могу. В 1925 году я дал добровольную подписку Витебскому ГПУ следить за духовенством и доносить о<бо> всех замеченных мною случаях контрреволюции. И, действительно, обо всех случаях, замеченных мною, я доносил Вит<ебскому> ГПУ и исполнял некоторые поручения того или иного следователя. По этому поводу имеются мои показания в делах ГПУ, напр<имер>, об Архиепископах Николае и Гавриле (последнему мною была послана по уговору с след<ователем> Бумбулом телеграмма, представленная в копии вместе с распиской в приеме Витебской почтой), об Ахроменко, Шеховцеве, Смирнове, Иларионе Шидловском, Капулеенко, Столяренко и др<ругих>. Некоторые факты моей деятельности были записываемы тотчас же, другие — после. К числу таких сведений относится и мое показание об архимандрите Иларионе, данное следователю Бумбулу. Я был у него по другому поводу (прошлым летом). В виду того, что наша беседа тогда затянулась, то я только словесно доложил Бумбулу об Иларионе, и след<ователь> Бумбул, чтобы не забыть, записал на обложке календаря о том, что за мной остается незаписанным показание об Иларионе. В декабре 1931 г<ода> или в январе 1932 г<ода>, точно не помню, это свое показание я оформил записью по приказанию Бумбула, как свидетель. Причем, в нем полно и обстоятельно я раскрыл сущность ориентации Илариона, последователя м<итрополита> Димитрия из Ленинграда.

В последние три года я потерял религиозность и служил лишь только священником, потому что желал добиться в это время закрытия церквей, в которых я служил. С этой целью я незаметным образом расшатывал приход и подыскивал официальные поводы к уничтожению церквей. Я был священником только по имени, а не по убеждению. В этом отношении мною проделана грандиозная, хотя и незаметная работа. До сих пор мои расхождения с советской властью были на почве религиозной, от этого времени я всецело стоял и стою на платформе советской власти, — единственного борца за счастье пролетариата всего мира. При своих посещениях ГПУ я неоднократно заявлял о потере религиозного чувства след<ователю> Бумбулу. Сначала я работал, чтобы добиться закрытия летней деревянной церкви. С этой целью я на каждом собрании и при каждом удобном подходящем случае заявлял о необходимости сдачи церкви, находя то те, то иные предлоги и поводы к тому. Я добился, что нашлось много таких лиц, которые соглашались со мной (напр<имер>, Людмила Семеновна Петровская), противодействующих (самых ярых), напр<имер>, Столяренко Т., по моей просьбе, неоднократно вызывали в ГПУ, чтобы успокоить. Весною 1931 года (я внушил учителю Конопкову) было получено предписание от Витебского отд<ела> нар<одного> образования уч<ителю> Конопкову договориться с советом об освобождении летней церкви от церковных вещей. 24-го апреля 1931 г<ода> был подписан акт о добровольной сдаче летней церкви и назначен день сдачи. Причем, о нем было сообщено верующим в один из праздничных дней. Протестов ни с чьей стороны не последовало, а, наоборот, все присутствующие в церкви тогда согласились. Когда же пришли с топорами, чтобы оторвать, что было крепко прибито, то нашлись два противленца в лице Шидловского Антона и Капулеенко Емельяна, которые сорвали сдачу и заявили, что требование о сдаче неправильное. В особенности они обрушились тогда на меня за то, что этого я почему-то добиваюсь (на это имею свидетелей), об их поступке мною было доложено ГПУ след<ователю> Богдановичу для наказания их, так как двое противодействовали всему приходу.

Из Витебского Гор<одского> Совета было получено уведомление, в котором приказывалось ц<ерковному> совету явиться, для какой цели не указано. Я доподлинно знал, что члены совета призываются для того,

чтобы найти какой-либо подход к изъятию главной приходской церкви, в которой я служил, в каменной. В это время всего состава совета не было. Несмотря на это, я послал двух членов совета (без собрания совета), самых спокойных, еле грамотных (один из них едва может подписать свою фамилию), подослав от себя гр<ажданина> Попова (Барановская 8), которому, по сговору с ним, приказал добиться подписать акт о сдаче каменной церкви. И он, будучи не членом совета, выполнил мое задание, принудив их подписаться, хотя они по возвращению назад заявляли, что это сделал Попов, а не они. Церковь эта сдана.

Мне хотелось добиться большого оформления сдачи церкви. Я втянул в это дело председателя ц<ерковного> совета Шидловского Емельяна Фомича, родного брата Шидловского Антона, главного главаря и противодейца к изъятию церкви, у которого председатель совета был под башмаком и спрашивал всегда совета. Председатель совета вел себя при сдаче церкви отрицательно и даже на второй день сдачи старался затормозить и задержать дело сдачи. Он ходил в Комотдел с протестом и успокоился только тогда, когда ему объявили, что за свои противодействия сдачи церкви его лишили права голоса. Во время самой сдачи он вел себя так, что в первый день к вечеру я не надеялся, что он на утро придет продолжать сдачу. Чтобы это не случилось, я совместно с Бравиным, которому сдавали церковь, употребил хитрость, отдав на ночь ключи от не сданной совсем церкви Шидловскому, предупредив его, чтоб он не опаздывал. К счастью, еще представитель от милиции Антихович (милиционер 1-го отд<ела> милиции, теперь старшина), человек мне знакомый, который знал, что я без религиозный. Мы не раз с ним о религии рассуждали, и он определенно знал мое мировоззрение. Ему я шепнул, чтоб он приказал во что бы то ни стало на другой день Шидловскому Емельяну являться. И теперь Шидловский Емельян старается выгородить себя от сдачи церкви.

Мною получено городское письмо, в котором прихожане обвиняют меня в том, что никто иной, а именно я сдал церковь. "Мы хотели отстаивать, а он (т<о> е<сть> я) нам лично сказал: "ни в коем случае, чтоб не отстаивали", мы и послушались его". Председатель ц<ерковного> совета, хоть и подписал акт, а всем заявляет пред народом: вся вина священника. Несчетное число раз при большом стечении прихожан и единолично в присутствии нескольких граждан Шидловский Антон, брат председателя ц<ерковного> совета, ругал меня за сдачу церкви. И все, что изложено в этом городском письме, правда и выражает мнение тех лиц, которые поняли истинное положение вещей.

Чтобы доказать, что я не мог принадлежать к какой-то монархической контррев<олюционной> организации, состоящей из социально опасных лиц, останавливаюсь на моих взаимоотношениях с Витебским духовенством и другими светскими лицами.

Волна революции выбросила меня на берег г<орода> Витебска. если бы не это обстоятельство, я никогда бы не видел, как своих ушей, Витебска, не мог бы помышлять быть в нем священником. Я сын бедных родителей. Отец мой в молодости (5 лет священствовал) сошел с ума, и потому матери на воспитание детей (8 ч<еловек>) была дана 1 дес<ятина> земли в глуши, село Оболь Полоцкого у<езда>, и потому я получил духовное образование, как единственно доступное. Говорить о годах молодости, бедности не приходится, это общеизвестный факт. С детства я привык ко всякому физическому труду и считал его наслаждением, всегда работал, как известно, в Оболи, на своей родине, и в м<естечке> Улле. Всему витебскому духовенству было известно мое такое происхождение. Я приехал в Витебск в 1925 г<оду>. Здесь все люди были прошлые, заслуженные, бывшие члены консистории, законоучители

и т<ак> д<алее>, имена коих, за малым исключением, не сошли и сейчас со сцены церковной жизни, а именно: Чулков, Околович, Шеховцев, Никонович, Дымман, Гусаревич, Хорошкевич, Григорович, Беляев и др<угие>. Их мировоззрение, как видно из их деятельности, осталось прежним. Могли ли они простить мне или примириться, что я сын какого-то идиота, сумасшедшего, "дерзнул" так или иначе стать с ними в одинаковое положение. Находясь в Улле в том положении, о котором я расскажу ниже, я явился к еп<ископу> Литяеву с просьбой назначить меня в Богослов² в г<ороде> Витебске. Последний заявил мне, что ничего против моего назначения не имеет, но теперь все зависит не от него, а от прихода. Уладив дело с приходом, я переехал в Витебск, но не учел одного обстоятельства. Я нанес своим переводом сюда кровную обиду прот<оиерею> Чулкову, благочинному витебских градских церквей, в первую очередь, и другим витебским священникам, которые просились сюда, но не попали. А кто не знает, что значит, стать поперек дороги благочинному? И вот я подвергся травле в продолжение 9 месяцев, в которой не только я, но и мое семейством подверглось различным насмешкам и унижениям. Чтобы возбудить общественное мнение против меня (заговорил весь город), говорили, что в Богослове должен быть академик, а не какая-то деревня, человек солидный, жена не сумеет носить шляпки, дети комсомольцы, к тому же и я сам безболезник, пел в Улле комсомольские безболезные песни и т<ак> д<алее> и т<ому> п<одобное>. Обо всем этом неоднократно заявлял мне сам еп<ископ> Литяев, подтверждая, что такого взгляда на меня держится все духовенство, заявившее ему, что оно не хочет видеть во мне своего собрата. Я на все это отвечал, что духовенство с такими взглядами я не желаю знать, Христос сказал: "блаженны чистым сердцем, а не академики, относительно деревни — отпало раз и навсегда, пора забывать". Само витебское духовенство с таким же образовательным цензом, как и я, и что в Богослове ни разу не было лица с высшим образованием, а такие же семинаристы, как и я. Все это, как вспоминаешь, и смешно, и глупо.

Что же касается еп<ископа> Литяева, то о нем должно беспристрастно сказать, что это был человек совершенно бесхарактерный, которого всецело забрал в свои руки пр<отоиерей> Чулков. Своего мнения Литяев не имел и жил чужим умом, смотря на все глазами Чулкова, который наговорил на меня всяких гадостей. Все духовенство вторило Чулкову и поддерживало его в распространении всех сплетней. Видя, что я остаюсь в Богослове, Литяев, по наущению Чулкова, заявил, что для моего утверждения требуется общее собрание с представителем от духовенства. Это меня взорвало, я не мог больше терпеть этих гадостей со стороны блюстителей правды — христианства. Еп<ископу> Литяеву я заявил, что привык уважать достойных архиереев, которые всегда говорят правду и тверды и постоянны в своем слове, так как я понял, что мне нужно в заключение постоять за себя. Недостойно брать свои слова обратно, сказавши раньше, что все зависит от прихода, а потом отдавать свое независимое николаевское положение, требуя общего собрания с представителем от духовенства. В м<естечке> Уллу, из которого я приехал, явился свящ<енник> Ладышкевич, известнейший пьяница, и показал мне архиерейскую справку, в которой благословляется ему занимать все свободные приходы. Не нужно ни собраний, ни представителей от духовенства, и кому же? Известнейшему пьянице...

Все это я выложил Литяеву, и он тогда смолчал. Вдруг в великую пятницу, после выноса плащаницы получается мне запрещение в священнослужении, впредь до раскаяния. Пригласив с собой председателя ц<ерковного> совета Домнина Василия и двух членов, я

---

² Имеется в виду Богословская церковь.

пошел "каяться". Домнин был принят один архиереем и, возвратившись, заявил, что архиерей меня не примет. На это я сказал громко, чтобы архиерей слышал мои слова чрез закрытую дверь (мы рассуждали в приемной): сегодня пятница, день всепрощения, архиерей запретил меня впредь до раскаяния, а, когда я пришел каяться, не принимает меня. После этого здесь мне делать нечего, больше каяться не пойду. Архиерей открыл двери, позвал меня, и я ему сказал, что прошу его принять в присутствии тех лиц, с которыми пришел. Каяться, заявил я, пред ним могу лишь в резкости слов своих, из сказанного взять обратно ничего не могу, резкость вызвана несправедливым отношением ко мне.

Вдруг вместо Литяева приезжает еп<искол> Буй, назначенный из Москвы, который, не разобрав дела, продолжал ту же гнусную травлю, требуя вновь общего собрания. Приход, уступая, просит дать представителем от духовенства (об этом имеется постановление) кого-либо из нейтральных лиц, вроде Капустинского, Беляева. Вместо них наперекор приходу присылается известный Околович, заявивший, что он имеет особые архиерейские полномочия, которые вскоре и обнаружались. Околович, видя, что делается не то, что приказал Буй, пытался несколько раз демонстративно уйти из собрания (Околовичу Бую было приказано добиться того, чтобы сорвать мою кандидатуру). И была чудная картина, достойная кисти знаменитого художника, когда до 200 женщин окружили Околовича, не выпуская, дергали его, прося не уходить, а окончить дело, успокоив раз и навсегда приход (целовали руки, кланялись ему и т<ому> п<одобное>). На этом собрании (7-е по счету) я был опять избран единогласно. Приехав в Витебск 2-го февраля 1925 г<ода>, я получил утверждение в октябре. При такой исключительной обстановке я очутился в Витебске, так как знаменитое витебское духовенство не хотело во мне признать своего собрата. Свое исключительное отношение ко мне витебское духовенство не изменило и всегда давало мне себя чувствовать. Когда однажды советом я был приглашен на общее богослужение в Никольскую общину с просьбой рассказать молящимся о событиях празднества (15 авг<уста>. Все духовенство было приглашено своими братьями духовенства), то это мне не удалось, так как пр<отоиерей> Чулков это мне запретил, а духовенство на мое обращение к нему ответило молчанием, набрав в рот воды. Очутившись в таком положении, я решил ничего общего не иметь с витебским духовенством, соблюдая со всеми лишь официальные отношения, тем более, что мой путь был совершенно противоположный их дорогам и желаниям.

Об одном светском лице мной дано показание по моему делу, о некоем Кутляшеве. Что это за лицо, и каково его мировоззрение, мне не известно. Из того, что он сидит под арестом 2-й год, и был допрашиваем не только в Витебске, но и в Минске, можно заключить, что эта личность представляет для власти некоторый интерес. Об Кутляшеве я показал, что с ним ничего общего не имел. Мне известно теперь, что Кутляшов (я с ним сижу в одной камере, и он мне рассказал свое показание) показал, что со мной имел поверхностное знакомство. Причем, 4 раза был у меня, один раз принес нотной бумаги, другой — книгу, третий взял книгу, четвертый раз моя жена пригласила его на храмовый обед (из этих посещений, по его словам, один раз он застал одних детей). Показание о приглашении на обед неверно, обстоятельства дела таковы. В 1926 году приехал в Витебск архиепископ Кирилл, я передал, что отслужил 26 сентября, в день храмового праздника, богослужение. Когда церковный совет пошел к нему, чтобы договориться, то у него застал Кутляшова. Из того, что Кутляшов пришел раньше совета, присутствовал при разговоре Кирилла с советом и остался у него по уходе совета можно заключить, что это было бы нечто большее, чем обыкновенный визит, а некая дружественная беседа.

Сущность разговора с Кириллом с советом очень интересна во всех отношениях, так что все происшедшее здесь записано в акте, который хранится в делах церкви с указанием, что при разговоре присутствовал Кутляшов. Об этом акте я рассказал Кутляшову, спросив у него: почему он скрыл, что его пригласил на обед сам Кирилл, на что он ответил: "Мне не хотелось, чтоб было известно, что меня пригласил Кирилл". Таким образом, с Кутляшовым я ничего общего не имел и не мог иметь, так как мое мировоззрение и его диаметрально противоположны. Он верующий, я же не верующий.

По моему делу могли быть допрошены мои бывшие сослуживцы, Каленюк Евгений и Кочанов Емельян, оба мои личные враги, а также и др<угие> граждане. Показания моих бывших сослуживцев безусловная ложь. Из многочисленных моих заявлений о Каленюке общему собранию (о его воровстве, пьянстве, хулиганстве) видно, что между нами никогда не было нормальных отношений. Что же касается Кочанова, то он враг мне потому, что я уличал (и уличил) в воровстве казенных ламп (для восстановления истины необходимо общая ставка с ними).

Никакой связи с архиепископом Иннокентием Ястребовым и его деятельностью я не имел, так как до моего переезда в Витебск (в 1925 г<оду>) Ястребов был сослан и оттуда больше не возвращался. При мне лишь был так называемый Чулковский съезд (знаменитого моего врага, о котором я излагал выше). На этом съезде я не только не присутствовал и не принимал в нем никакого участия, но отношение к этому съезду выразилось в особом журнальном постановлении совета Богословской церкви (не подчиняться Чулковскому епархиальному управлению, не признавать его постановлений и не вступать в переписку с ним).

3-го и 13 марта с<его> г<ода> я давал свои показания след<ователю> Вит<ебского> ГПУ Богдановичу в том, кого я поминал за богослужениями. Моя идеология по этому поводу высказалась в следующем. Митрополита Сергия я считал своим высшим руководителем и имею с ним непрекращающуюся связь с самых первых дней его деятельности и до настоящего времени, что подтверждается многочисленными фактами, а именно: 1) Я признавал всех присланных м<итрополитом> Сергием епископов: Литяева, Буя, Павлина, Гавриила и Николая. 2) Обращался к м<итрополиту> Сергию с вопросом об автокефалии Белорусской церкви (в конце 1927 г<ода>) и получил ответ, что автокефалия не канонична. Когда некоторое духовенство г<орода> Витебска в лице Григоровича, Беляева и др<угих>, приняв автокефалию, подало заявление к м<итрополиту> Сергию с раскаянием, мне это делать было не нужно, так как автокефалию Белоруссии я не принял, и тем подчеркнул, что м<итрополита> Сергия я считаю своим руководителем неуклонно. 3) Получил от м<итрополита> Сергия награду и возведен в сан сергиевским архиепископом Гавриилом (1928 г<од>). 4) Как видно из приходно-расходных книг Богословской церкви ежемесячно посылались деньги не только на местного епископа, но и м<итрополита> Сергия. 5) Подписал просьбу м<итрополиту> Сергию о дозволении носить светское платье, после чего, получив разрешение, стал носить гражданскую одежду. 6) У меня имеется две справки: 1) Прот<оиерей> И. Румянцев принадлежит к Сергиевской патриаршей ориентации и состоит в каноническом общении с своим епископом (1931 г<од>). 2) Бабичинская церковь присоединена к православию м<итрополитом> Сергием по моему ходатайству (январь 1932 г<ода>).

За богослужениями я поминал м<итрополита> Петра Крутицкого и всех православных митрополитов. О поминовении м<итрополита> Петра Крутицкого было общее распоряжение арх<иепископа> Николая, подписанное и мною, который заявлял, что м<итрополита> Петра

Крутицкого поминают в Москве и везде. Поминая Петра Крутицкого за богослужениями, я считал, что этот вопрос согласован с гражданской властью. Будучи 1-го сентября 1931 г<ода> на богослужении в Семеновской церкви (г<ород> Витебск), я слышал, что там поминали, как и я, и в моем храме 26 сентября Шеховцев, возглавлявший богослужение, поминал так, как и я. Арх<иепископ> Николай и Шеховцев свободны. Из этого факта явствует, что в таком моем поминовении нет преступления, тем более что по поводу поминовения м<итрополит> Сергей должен был своевременно чрез архиереев или иным способом издать свое распоряжение. Если же он этого не сделал, и я поминал его под именем православных митрополитов, то вина в этом его.

Таким образом, категорически заявляю, что и фактически, и официально, и на самом деле я имел связь с м<итрополитом> Сергием на всем протяжении его патриаршей деятельности, считая его своим единственным высшим руководителем. А в общей сложности всех их я считал на одинаковом положении и ими совсем не интересовался, стараясь поскорее уйти от своей прежней духовной профессии.

2-го марта с<его> г<ода> я арестован Витебским ГПУ, и мне предъявлены 8 пунктов обвинения. Все пункты обвинения голословны и не имеют под собой реальной и фактической почвы. Виновным себя ни по одному пункту не признаю и по каждому пункту поясняю:

1. Никакой церковной монархической организации я не знаю. Со дня Октябрьской революции до 1925 г<ода> я жил в м<естечке> Улле, отстоящем от Витебска на 70 верст, и что делалось в Витебском округе, мне не известно. До переезда своего в Витебск (2 ф<евраля> 1925 г<ода>) я был обновленцем, примкнув к нему сразу по его появлении и на первом организационном съезде подписал акт: 1) о лояльности сов<етской> власти, 2) о присоединении к обновленчеству, 3) об избрании обновленческого благочинного. Принимал у себя обновленческого епископа Свицерского Гавриила, которому ежемесячно помогал и получал от него награды.

Принадлежность к обновленчеству свидетельствует, что ни о какой монархической организации я не помышлял. Что же касается моей жизни с 1925 г<ода> при переводе в Витебск, то с этого времени я совершенно добровольно вступил на тот путь, который привел меня к отрицанию религии, закрытию церквей. Ни с чьей стороны я не был, если так можно выразиться, надавливаем в своей этой деятельности, и все это было дело<м> моей личной инициативы.

2. Когда мне было предъявлено требование об изъятии ценностей, живя в м<естечке> Улла, все ценности мной были немедленно сданы. Что жнее касается волнений в Витебском округе или Витебске, то это ко мне никакого отношения не имеет. Каждый отвечает сам за себя. Отец не отвечает за сына, а тем более посторонний за постороннего. Если же и были в связи с изъятием ценностей какие-либо волнения, о них я ничего не знал. Фактов, уличающих меня в каком-то возбуждении масс и противодействующих изъятию ценностей нет, равно нет никаких данных, которые свидетельствовали бы против меня в том отношении, что я получал от какой-то организации или отдельных лиц приказание к возбуждению религиозных масс.

3. В добавлении к сказанному в 1<-м> пункте, заявляю, что в Витебск я перешел из Уллы только потому, что из моего пользования изъята была земля. Примкнул к староцерковству лишь только потому, что свободных обновленческих мест в Витебске не было, а богословская община выставила мне выше указанный ультиматум. Идти в другое место для

меня не имело смысла в виду того, что в другом месте я не мог получить земли. Кроме того, при переезде в Витебск я учитывал и то, что здесь мне можно удобнее заняться воспитанием детей. К тому же побуждал меня и скромный материальный расчет, так как у моей жены имелась собственность в виде части дома и флигеля, оцененного в 789 р<ублей>. Против обновленчества я никогда выступать не мог, так как сам был в рядах обновленчества и примкнул к нему сразу же по его появлению, с представителями обновленческого духовенства я всегда имел связь и знакомство. Был знаком с архиепископами Щербаковым и Нилом. У последнего неоднократно бывал, подолгу просиживая за мирной беседой (пил чай). При этих беседах мы обсуждали с Арх<иепископом> Нилом вопросы разъединения обновленчества с Сергием, причем, единогласно пришли к выводу, что разъединяться было не из-за чего. Лично при этом я заявлял, что я вполне согласен присоединиться к обновленчеству и теперь, но противодействие заключается в приходе. Приходя к архиепископу Нилу, я брал у него благословение, и уходя то же. Приходил к нему прощаться при выезде его из Витебска в 1932 г<оду>. Наши беседы происходили в присутствии обновленческих священников Никольского и Загорецкого. Кроме того, я был знаком с свящ<енником> Костко и Овсянко. Словом, со всеми. С Никольским в январе 1932 г<ода> я обсуждал вопрос о переводе моего прихода в обновление. У Овсянко я был по его приглашению и получил от него предложение перейти в обновление и занять в его приходе 2-е место священника. На это предложение я согласился по сдаче своей церкви. Никаких провокационных слухов об обновленчестве и т<ому> п<одобное> не распространял. По этому поводу нет никаких доказательств. Опрос представителей Витебского обновленчества всецело докажет мою невиновность и всегдашние дружеские отношения, а не вражду и злобу.

4 и 6. Никаких доказательств того, что я выполнял распоряжения или задания какой-то контррев<олюционной> организации о непосредственной связи с отдельными слоями кулачества, вдохновляя их на вооруженную борьбу с Сов<етской> властью нет. Это ложь. Где хоть одно лицо, которое я вдохновил не только на вооруженную борьбу, но на борьбу вообще, не говоря уже об отдельных слоях кулачества, не говоря уже о том, что мой приход городской, а кулаки живут в деревне за городом. Правда, около города имелось не более 60 дворов, они все вошли в коллектив или примкнули к кирпичным заводам (церковщина Себяхи Андроновичи). Это мне известно из газеты Витебского пролетария, в котором писалось неоднократно то об одной, то о другой деревне. Если известно, что темпы коллективизации задержаны, и кто-либо в этом виноват, то выявить истинные причины этого явления имеет смысл в интересах скорейшей и окончательной коллективизации, а свалить вину с больной головы на здоровую, от этого стройка новой базы и осуществление социализма не подвинется ни на шаг вперед, и самый такой факт будет лишь похож на убийство французского президента, о чем пишут сейчас все буржуазные газеты, крича, что в этом убийстве виновата Москва.

5. Где бы я ни служил, при вверенных мне приходах никаких братств не было, и я их никогда не организовывал. Указание на нелегальное Ильинское Витебское братство не может ко мне относиться, так как с этим братством я ничего общего не имел, из кого оно состояло, не знал, какие оно цели преследовало, и в чем заключалась его деятельность, мне не известно. Священником там был прот<оиерей> Околович, личный мой враг, что видно из вышеизложенного.

7. Никакой помощи царскому строю в прошлом не оказывал, совершал лишь обычное богослужение. Никогда ни в чем не противодействовал революционному движению. Принимал участие в забастовках в бытность свою в школе.

8. Каждый отвечает сам за себя, и брат за преступление родного брата ни по какому закону не наказывался никогда. Никогда никакой связи с границей не имел. Писем не получал и сам не писал, ни родных, ни знакомых у меня за границей нет. Никогда ни с кем об унии не говорил и унией не интересовался.

29-го марта с<его> г<ода> следователь ГПУ Богданович заявил мне, что одна статья обвинения отпала (72, 76, 84) и остались три с вторичным требованием подписаться о предъявлении мне этих статей (мне известно, что в это число подобное требование предъявлялось и др<угому> духовенству). Безоговорочно подписаться я нашел для себя неприемлемым (с оговоркой след<ователь> не дал) и тотчас же подал заявление, в котором указал, что от подписи этих вторично предъявленных статей я не отказываюсь, но считаю необходимым заявить, что сущность обвинений заключается в общих выражениях, без указания фактических данных, и просил предъявить мне факты с указанием лиц. Не зная этого, ответить только можно было общими фразами, а для разбивки ложности требовалось указать фактическую сторону: кто, когда, с кем и в чем сущность, предъявив мне все это и обследуя весь имеющийся материал не только с тех сторон, которые клонятся к обвинению, но и к оправданию. Кроме того, повторяясь, допускаю, что в деле (может быть) имеются свидетельские показания тех или иных отдельных граждан, которые не предъявлены мне и приняты за непреложную истину. Моя эта законная просьба оставлена без внимания, и я лишен возможности к оправданию.

Мною упущен еще один факт, который нахожу необходимым поместить, хотя здесь в конце, а именно. Мне было поручено освятить закрытую церковь в Бабиничах. По этому делу я специально ходил в ГПУ и докладывал след<ователю> Бумбулу, прося его, чтобы он мне указал, как мне поступить, ехать или не ехать, что лучше и соответствует власти в тот момент. След<ователь> Бумбул нашел, что ехать нужно. Если бы это не соответствовало плану, то я бы не поехал. И в этом отношении я шел навстречу власти.

Излагая вышеизложенное, оставляю за собой право, если потребуется, и в дальнейшем продолжать свое служение. Мне хотелось оттенить себя от остального фанатичного духовенства, которое до конца своей жизни желает продолжать свою преступную деятельность. Уйти от своей профессии я не хотел так, чтобы остались церкви, в которых я служил. Мне хотелось, чтоб не осталось у прихода с моим уходом и мечты о возможности религиозной жизни. Этого я достиг. Раз и навсегда заявляю, что от этого момента буду заниматься каким-либо физическим трудом.

Официального отказа от сана (его уже и нет давно у меня) не делаю лишь только потому, что моя деятельность может понадобиться представителям власти для оформления тех или иных церковных неоконченных дел в связи или с ликвидацией церковей и духовенства, или при революции в др<угих> странах.

Мне неизвестно, где именно находится мое дело в Минске (за Минской тройкой ГПУ БССР) или в Москве. Я подал заявление Прокурору СССР по линии ОГПУ, Москва, прося просмотреть мое дело для вынесения беспристрастного решения по нему.

Полагаю, что у Прокурора СССР по линии ОГПУ, Москва, много поступает дел со всей широты Советского Союза, так что оно может быть не просмотрено. Прошу Общество Помощи Полит<ическим> Заключенным, Москва, Е. С. Пешковой придти мне в этом на помощь.

1932 г<ода> мая 20 дня.

Румянцев Илья.

Если мое заявление по каким-либо причинам не получено, то настоящее заявление прошу препроводить Прокурору СССР, Москва, по линии ОГПУ»³.

14 июля 1932 — приговорен к 3 годам высылки и отправлен в Северный край. Осенью 1934 — освобожден из ссылки, вернулся в Витебск. 21 сентября 1937 — арестован, 28 сентября приговорен к ВМН с конфискацией имущества и 7 октября расстрелян⁴.

---

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 814. С. 228-244. Автограф.

⁴ «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.